

Софья Лямина

Я смогу предотвратить твою гибель

*Хочется выразить
благодарность тем, кто
поддерживал меня все
это время. Тем, кто
верил в меня даже
тогда, когда в себя не
верила я. Большое
спасибо вам, моим
самым дорогим людям.*

«ПРИЧИНА»

В душе горел
могучий пламень
Всепобеждающей
любви,
Но сердце стало,
словно камень,
Прошло волнение в
крови.
А раньше кровь была
горячей
И сердца стук, как в
барабан,

Кровь холодна, и
сердце плачет,
Кровоточит от
тяжких ран.
Жизнь круто
изменила что-то,
Увяла у любви краса,
Сломались крылья
для полёта,
Нельзя подняться в
небеса...
...И вспомню
юности порывы,
Жару в крови и стук
сердец,
Жизнь может быть
ещё счастливой,
Найду причину,
наконец.

**Анатолий
Болутенко**

«Мне жизнь дала
лишь несколько секунд.
Впервые вздох,
испуг и боль впервые».

Часть 1

Глава 1. Введение

Блеск в глазах.

Она бежала. Бежала из последних сил, выбиваясь из ритма леса, из привычных и спокойных миров и восприятий. Она бежала, невзирая на дикую боль в боках, не обращая внимания на тяжесть ног. Крутя в голове единственную мысль, которая казалась возможной в непрерывной гонке.

Встречный мир сплелся в размазанные пятна зелени и проблесков света, на которых обращать внимание она не успевала, ведь они там, сзади нее. Они бегут, она чувствует их взгляды, их сигналы и требования остановиться.

Рано останавливаться, рано сдаваться, она еще поборется за право быть свободной.

Сейчас, самое время, они достаточно отделились от границ. Резкая и дикая боль пронзила все тело, в глазах потемнело. Она не помнила, когда

вскрикнула, не запомнила, когда в глазах заплясала тьма... Минута, и она снова бежит с удвоенной скоростью.

Прыжок. Она перепрыгнула поросшее мхом дерево. Злобно усмехнувшись, она резко свернула вправо, делая петлю, и выворачивая на ту же дорогу. Раздался треск дерева. Кажется, на одного стало меньше... А скоро их не останется совсем. Каратели будут в ярости.

Со спины раздался утробный рык. Они рядом.

Ее улыбка напомнила бы им, их место. Зря, ох зря, они решили ей мешать.

* * *

— Ты должна была догадаться о возможном нападении. — сообщил Дениел, отправляя в рот последний кусочек из порции тако.

Светловолосый молодой человек слегка покачал головой, смотря на нее выразительным взглядом, цвета крепкого кофе. И вновь, за всю их беседу укоризненно наклонил голову, и чуть сдвинул нахмуренные брови.

— Ага, а еще о том, что Наполеон не сможет захватить Россию! — злобно вставила она.

— Наполеон был не в твои времена. — меланхолично ответила белокурая девушка, сидящая напротив.

— Ну так и нападение произошло в момент ее отсутствия. — ехидно прокомментировал и пожал плечами Майк.

— Это ее задание, с которым она должна была справиться. — глухо сообщил Дениел.

— Ты ведь не знаешь, что это значит, Майк? — спросила Алекса, — Собачки вообще на редкость малосообразительны.

Сидя пятничным вечером в уютно обставленном кафе, вы бы и не обратили внимания на группу подростков, собравшихся в самом углу за круглым столом, и уж точно бы не стали вслушиваться в их разговор, полагая, что речь ведется о новой захватывающей игрушке, выпущенной на прошлой неделе. И уж точно бы не подумали, что они часть темного, неизведанного мира истребителей нежити, как они ласково называли всех тех, кто был им не по душе.

— Кэт, этого пункта не было в договоре, но все же... — сухо сообщил Дениел, — Все случилось во время твоего патрулирования. Не думаю, что Ковен станет придираться к подобным мелочам, но узнать, что за придурок влез на территорию, охраняемую карателем, все же стоит.

— Это должно быть увлекательно. — хищно улыбнулась Алекса, — Не думала, что подобные самоубийцы еще остались.

— Да, знаю, это действительно мой прокол. —

тяжело вздохнула она, — На защите границ была стража, я не понимаю, как они пробрались сквозь нее. — закончила девушка опустив голову на руки. — Но утешает мысль, что это далось им нелегко.

— Тебе повезло, что их нападение не было включено в твое задание. — усмехнулась Алекса.

— Если бы это было частью задания, то я бы не допустила подобного промаха. — сообщила Кэтрин. — В конце концов, приближенные к Ковену, пользуются их безоговорочным доверием, а так, их подвести — смертельно.

— Они гнались до самого города, дальше было нельзя. — сообщил Майк, стараясь не уделять внимания, порой неясным репликам карателей.

«У всех могущественных и опасных свои сдвиги по фазе». Успокоив себя этим выводом, он приготовился слушать.

— Нельзя было бросать нам вызов. — сухо проговорила Алекса. — Последний раз, когда кто-то решил рискнуть, нам пришлось вырезать весь клан.

— Не понимаю! Как она могли обратиться в городе?

— Старейшины считают, что у них были пособники среди людей, — Дениел пожал плечами. — те провели их через свою частную территорию, и на улицы города они уже вышли

людьми.

— Поклеп! Ни один из людей не стал бы связываться с отбросом! — заявила Алекса.

— Они не одни из нас, и стая оборотней их привлекает, — качнул светловолосой головой Дениел. — я бы сказал, что наши вообще не слышали об этом, иначе слезка была бы и в городе. Сама подумай, зачем нам и стае что-то менять, учитывая, что они только начали вести полноценный образ жизни, после последнего полнолуния?

— Возможно новообращённые? — внес предположение Майк.

— Вряд ли... — Алекса взметнула рукой прядь белоснежных шелковистых волос. — Слишком много проблем для глав семейств. Ведь убили то оборотней, кровных братьев. Вы слишком высоко цените подобные мелочи.

— Дело даже не в этом, — усмехнулась Кэтрин — пособника найти и наказать не наша проблема, пусть этим занимается стая. Там было слишком много странностей, даже для меня. — качнула головой она.

— Что именно?

— Следов слишком мало. Судя по ущербу, их было около десяти, следов же как от трех, максимум до пяти лап. — девушка вздохнула — Я облазила всю округу, ничего...

— Ты уверена? — потрясенно выдохнула Алекса — Такой ущерб не могли нанести только три волка...

— К сожалению, я более чем уверена в этом.

— Но почему обвинили тебя? — поинтересовался Майк, — Как будто твоя вина в том, что они устроили там резню.

— Это было на отведенной мне территории. — спокойно заявила девушка.

— А как же стража?

— Их задача не впускать и не выпускать без моего разрешения, вот тут главная странность, у них было письменное разрешение на вход. — вздохнула Кэтрин.

— Но ведь это не ты... — начал говорить Майк, но карательница его перебила.

— А ты попробуй, докажи! — усмехнулась Кэти. — Разрешение было, а значит вся вина на мне, я пропустила чужаков.

— Что произошло дальше? — заинтересованность Алексы проявлялась лишь в нетерпеливом тоне, в остальном же она вела себя спокойно и обворожительно, успевая улыбаться проходящим мимо официантам и отвечать на приходящие ей сообщения.

— Стая пропустила ее. Разумеется, догадавшись, что что-то не так, когда она уже успела прикончить практически половину стаи и

одного из пособников. — Кэти слегка пожала плечами.

— Считаешь, что охота ведется за стаями?

— Охота ведётся за хранителями. — возразила она. — Зачем кому-то оборотни, если можно получить одного хранителя с кладезем знаний в голове? Вероятно, именно из-за этого.

— Они давно и обезумели. — Алекса усмехнулась.

— Они действуют по закону и в своих интересах. — пожала плечами Кэти.

— Именно поэтому они не смогли предотвратить нападение? — иронично вскинула бровь Алекса.

— Сигнал... — замялась Кэтрин.

— Поступил не сразу, только спустя пятнадцать минут после того как они пересекли равнину и были уже около города — задумчиво добавил Дениел.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурил брови Майк.

— Лишь то, что возможно Кэт не виновата... — пожал плечами каратель. — Посудите сами, к ней на территорию врывается уверенная женщина со свитком и подписью Кэтрин, стражи купились на ее уверенность, ослабили свое внимание, читают документ не вчитываясь, в поисках подлянки, если вообще читают его. — он

обвел взглядом собравшихся. — Женщина спокойно пересекает границу и убивает пособника, который мог бы тебе доложить о подозрительной персоне, ведь он приближенный друг, следовательно, убив его, она бежит в сторону города, точно зная, что охоту в городе они продолжать не будут. По какой-то странной причине, когда она пересекла четвертый сектор, сигнал не сработал, и что еще более странно — на этой территории не было стражи, хотя четвертый сектор граничит с территорией, главой которой является Джим. Здесь она беспрепятственно прошла, а уже около равнины привлекла внимание, когда до города осталось каких-то восемь километров. Там за ней погнались стражи и она, обратившись, успела забежать в город. Переключив внимание на нее, мы забыли о границах и твоя территория, территория Джима, Майка и Стефы подверглись нападению. Верно?

— Да, — Майк кивнул — мы насчитали десять жертв.

— У меня двадцать... — тяжело вздохнула Кэтрин. — Но, самое ужасное, что они были замечены по всей территории Канады.

— Наши усиленные меры безопасности не помогли...

— Более того, я уверена, что нападают одни и те же. — Алекса вскинула бровь.

— Они не могли так быстро пересечь несколько городов, там слишком много стай, они между собой грызутся за территорию, а тут...

— Но приметы совпадают: черные глаза, высокий рост, брюнетка. — Майк взглянул в глаза Алексе — Кстати, у них у всех есть нечто общее — татуировка в виде знака бесконечности. Смахивает на какую-то секту.

— А самое главное отличие — «фанатичный блеск в черных как ночь глазах». — срывающимся голосом закончила Кэти. — Так заявил один из выживших.

— Выживших? — вскинула бровь Алекса. — Я думала, что погибли все.

— Не-а — пожала плечами Кэтрин — Того прикончила я. С такими травмами не выживают. Я избавила бедолагу, от мучений, сразу после того, как он мне рассказал все, что знает. И фанатичный блеск был главным его аргументом.

— Значит, очередные психи, на нашу голову? — непринужденно поинтересовался Дениел.

— Скорее всего задание не поручат нам, мы же не ищейки. — фыркнула Алекса.

— Ну, знаешь ли, — обиженно произнес Майк. — между прочим, отличное обоняние — это даже плюс.

— Только если ты сторожевая собака, —

Алекса разгладила белоснежное платье. — а вообще, я есть хочу, пошли отсюда...

— Тебя чем-то не устраивает тако и пицца? — спросил Майк, пытаюсь вести себя непринужденно.

Он не понимал, как можно быть настолько беспечными? Разве люди действительно не понимают сути происходящего, или специально закрывают на все глаза. Ему, карателю, было трудно это понять.

— Это...не еда. — презрительно фыркнула Алекса.

— Новая диета?

— Жизненный принцип... — раздраженно бросила девушка. Телефон завибрировал, и она, вытащив его из розового чехла, улыбнулась. — Кроме того, у меня появились дела.

— Более важные, чем нападения на стаи? — Майк вопросительно глянул на собирающуюся девушку.

— Это проблемы стаи, а не меня. И вообще, я им в надзор не набиралась. — и она гордо вскинув голову, круто развернулась на каблуках, направляясь в сторону выхода.

— Я тоже сваливаю, — сообщил Майк, наблюдая за исчезнувшей Лекси — сегодня собрание стаи. Я обязан на нем присутствовать.

И оборотень растворился в толпе, вслед за

карательницей.

— С ней все также сложно иметь дело? — усмехнулась Кэти, взъерошивая волосы Дениела на голове.

Она помнила Алексу еще с момента, когда та была человеком. Кэтрин была одной из тех, кто нашёл ее на небоскребе.

Белокурая карательница вызывала в ней противоречивые чувства, но одно Кэтрин поняла точно. В ситуации с Алексой трудно быть в чем-то уверенной. Лекс всегда может в чем-то убедить, а затем развернувшись на своих каблуках, доказать полностью обратное. Она высокомерная стерва, но благородство в ней все же осталось.

— Она не менялась. — пожал плечами Дениел. — А теперь давай честно. — пробормотал он, наклоняясь через стол к девушке. — Что действительно произошло там?

— Я все сказала. — спокойно ответила Кэти.

Молодой человек снисходительно улыбнулся. — Я слишком хорошо тебя знаю, Кэтрин Элизабет Марион, ты всегда, что-то недоговариваешь.

— И когда ты стал таким наблюдательным? — усмехнулась Кэти.

— Так было всегда.

— И что же изменилось?

— Мало времени Кэт, — серьезно кивнул он

— вожаки стай бьют тревогу. По всей планете около ста нападений. Двадцать из двухсот стай полностью разорены.

— Насколько я знаю, в прошлую пятницу произошло сразу несколько нападений в южном и западном округах... — попыталась перевести тему Кэтрин, но наткнувшись на укоризненный взгляд пронзительных черных глаз, передумала — Ладно, все хуже, чем мы думаем.

— Поясни. — Дениел скривил бровь.

— Это что-то другое. Не оборотни и не вампиры, охотники здесь тоже не причем. — тяжело вздохнув, подтвердила она его худшие опасения. — Следы всего нескольких людей.

— Кэтрин, несколько людей не смогли бы убить охрану в виде оборотней. — он качнул головой — Слишком много стражей, и мало их сил.

— Ой да брось, я не могла ошибиться, их было мало. И это были люди, просто люди.

— Слишком сильные для людей, учитывая их выносливость, они бы выдохлись на первой стометровке... — усмехнулся Дениел.

— Ты мне не веришь? — Кэтрин сощурила глаза.

— Нет, не верю. — ответил парень.

— Как грубо. — возмутилась карательница.

— Зато искренне. — пожал плечами Дениел. — Ты сама подумай, оборотни и люди,

даже рядом не стоят, а ты говоришь о том, чтобы человек оборотня уничтожил. Тут если человек и сможет убить оборотня, то спустя минуту и сами коньки отбросит, а тут двадцать только твоих стражей. Это бессмысленно. — уверенно продолжил Дениел.

Его начинало утомлять то, что он должен изображать присущие людям чувства и жесты. Они казались ему слишком пустыми и бессмысленными.

— Я проверяла лично — настойчиво сообщила Кэтрин.

— Значит, плохо проверила. — вздохнул Каратель, пытаясь замять, ставший скучным разговор.

— Раз такой умный, иди и проверь сам. — бросила Кэт.

— Обязательно, Кэтрин.

— Послушай, Дени, — неприязненно промолвила рыжеволосая карательница — я облазила каждую ель, каждый кедр, каждый клен, каждую яму и закоулочку, и не нашла следов оборотней. Ближе к городу появился один след, и только один, скорее всего это маньячка обернулась. И все, больше ни одного.

— Допустим, что я верю. Возможно, ты и права, но, тогда как они убили стольких?

— Я не знаю. — она накрыла глаза руками. — Знаешь, я уже устала обсуждать эту тему,

подумаешь на пару собак меньше...

— Ты действительно устала. — усмехнулся Дени. — Я в первый раз из твоих уст слышу такое непочтительное отношение к оборотням.

— Да, что-то я переборщила.

— Вполне естественное заявление. Мне самому в тягость работать с этим, как выразилась Алекса, «отбросом». Оборотни не наши друзья, они наши враги. И помогать им не наша обязанность. Глупо это отрицать.

— Именно. — усмехнулась Кэтрин. — Наша обязанность их уничтожать.

— Как думаешь, они сильно расстроятся, узнав что мы больше не намерены с ними сотрудничать?

— Вожаки будут в ярости. — скучающим тоном добавила Кэтрин.

* * *

Луна отражалась в серой непроглядной озерной воде, освещая мир, в бликах своего существа, поглощая и возрождая живущее сейчас, и когда-то давно в прошлом.

Прикрываясь тучами и небом, Луна жила. Ради смены жизней в опустившихся сумерках, оживляя все мертвое, и даруя свободу. Повинуясь воле ночной царицы, существа восставали из под

земли. Они кричали и молили оставить их в мире мертвых, но она, неумолимо вырывала их из оков смерти, и убивала недостойных вновь, не прощая ошибок. Они шли, повинувшись ее зову, то взлетая, то падая вниз, навстречу ледяному отражению царицы в воде. Их слезы и крики оглушали всех и вся, но не давали шанса услышать, разрывая словами и муками изнутри, моля о пощаде.

Ее неприступность и холод, добивали умирающих. Она мучила их, вкушая их страдания, и светясь от этого сильнее, чтобы поднять еще больше новых и старых своих жертв.

Смерть. Луна жила ей, она питалась ужасом и муками, увеличивая свою власть в тысячи раз. Заставляя чувствовать свою ничтожность. Она не пыталась поощрить, она жестоко наказывала.

Девушка шла среди деревьев, огибая их и прижимаясь телом к каждому, пытаясь защититься, ведь она слышала голоса и крики мертвых. Их муки и крики, она боялась. Безграничным, парализующим страхом, который вызывал дрожь, но подгонял своими щупальцами изнутри, обволакивая и поглощая. Бойся. В ее глазах отразилась царица минувших ночей, царица мертвой жизни, царица смерти. Карие глаза распахнулись от увиденной картины, смешавшей в себя и боль, и прекрасное. Она замерла, не зная что делать, забыв как дышать, забыв как жить, как

чувствовать. Она смотрела на нее, серебристую и зловещую, окруженную на синеве неба, яркой аурой света. Ее взгляд упал на поляну перед озером, в непроглядных сумерках трудно было что-то заметить кроме тумана и призрачного сияния. Девушка перевела дух, должно быть показалось. Плавно оторвавшись от ствола дерева, она двинулась вперед, к глади зеркальной чистой воды, обходя поляну по середине, она все больше попадала под чары ее величества. Она забыла об опасности, повинувшись минутной слабости, не думая о последствиях. Казалось, её легкий шаг отдавался гулким басом где-то глубоко в земле, в самых затаенных глубинах небытия. Она наслаждалась прохладой воздуха, нежными прикосновениями ветра, темноте вокруг. Ей хотелось не думать, просто идти и слушать, забываясь. Окруживший ее ореол спокойствия — убаюкивал.

Шаг... Второй... Третий.

Со злобным рыком, из земли высунулась обглоданная рука с потрескавшейся кожей, местами виднелась кость, и смердело зловонным запахом. Девушка закричала, прорывая из души уже забытый ужас. Рука, вцепившись ледяной конечностью в землю, пыталась выбраться, что бы вновь почувствовать себя живой, вдохнуть воздуха мира, и умереть. Она хотела возродиться, что бы вновь умереть в ужасных муках, раздирающих все ее

существо на части.

Девушка упала, от содрогнувшейся земли, оседая на землю, она думала лишь о неминуемой гибели, и ее будущей жизни, ожидающей судьбе среди этих же проклятых бедолаг.

Тонкая рука обхватила ее ногу. Появившиеся из ниоткуда вторая конечность, обхватила предплечье девушки, утаскивая ее в недра земли. Она набрала в легкие воздуха, и приготовилась к смерти. Воздух уже начал покидать ее легкие, а туловище было наполовину в земле, когда она услышала шаги.

Медленно накатившая темная занавеса покачнулась от насмешливого высказывания:

— Очередная кисельная барышня?

— Нее, жертва падшей любви, ну или просто дура, — голос задумчиво затих — второй вариант наиболее вероятен. Жесткий металлический звон потряс тишину леса. Удар. Полный боли вопль.

Она медленно открыла глаза, приходя в себя, чтобы увидеть открывающиеся сражение.

Девушка, окруженная в ярко — рыжем ореоле волос, взлетела в воздух, выписывая сальто, и ударяя невидимого противника железным кнутом, вновь приземлялась, и развернувшись снова ударяла жестким ударом война, побывавшем во многих сражениях. Она взлетала вверх и вновь приземлялась, казалось, для девушки нет понятий о

земном притяжении. Она летела, изредка непринужденно опускаясь. Рядом боролась другая, но не менее удивительная особа, уверенность чувствовалась в каждом движении, в легком взмахе руки, отправляющей в мертвецов стрелы. Она оборачивалась, пригибалась, выворачивая руки, и безупречно попадая в цель. Она танцевала со смертью так же легко, как взлетали белоснежные локоны ее прически. Поворот, скрипнула как струна умелого скрипача — тетива, изящные руки опустили, натянутую до предела стрелу. Секунда, стрела, повинувшись обворожительной хозяйке, попала прямо в цель, прострелив насквозь сердце. Брызнула кровь, пачкая белое платье соперницы яркими пятнами, означающими ее безграничную победу. Сделав сальто с ветки одного из деревьев, спрыгнул парень, разрезав туман вокруг, он приземлился на землю рядом, со стрелком, ударяя другого монстра ударом клинка. Взмах руки, и на землю падает некогда живая плоть. Злобно усмехнувшись, парень бросается в бой, принимая на себя сразу трех противников. Огибая одного, он нанес удар другому, перерезав ему шею, он крутанулся вокруг собственной оси, и взмыв вверх, ударил второго, оттолкнувшись от начинающего падать тела мертвого, он ударил следующего, попадая, в некогда живые и осмысленные глаза. Он не просто убивал, он делал это красиво, рассекая

привычные понятия о бое, и снова, развернувшись, перехватил второй клинок удобнее, и бросился на только восстающего из земли мертвеца.

Пораженная боем, девушка не сразу заметила, что рядом с ней сидит другой парень. Он не отбивался и не нападал, он перевязывал ей ногу. Заметив ее взгляд, парень криво усмехнулся. Темные волосы в свете луны, казалось, отливались серебром, светло-зеленые глаза улыбались не взирая на обстоятельства, а нос смешно подрагивал. Он не внушал опасности, и не был бойцом, он был как она. Зверем.

— Еще чуть-чуть и будет готово. Потерпи.

Она откинулась на руки, пытаясь приподняться. Ее взгляд сам непроизвольно потянулся к зрелищу боя, но его больше не было. В воздухе стоял отвратительный запах металла, мертвой плоти, тошнотворный запах гноя и вкус ванили, который, казалось, больше всего вызывал неприятные ощущения у нее. Вокруг, на поляне валялись куски некогда живых существ, обрывки ткани, желтая слизь и головы. Головы одних из мертвецов. Светловолосый парень, очищая свой клинок, пнул одну из них. Она откатилась, повернувшись оторванной от тела стороной к ней. Зрелище кровавого мяса с зеленой прожилкой и капающей кровью окончательно приказало ей расстаться с ужином. Переворачиваясь на живот,

она отползла к кустам, где ее стошнило.

— И спасай после этого им жизнь — констатировала рыжеволосая девушка. Парень усмехнулся.

— Черт! Ненавижу зомби! Чтоб их... — блондинка оттянула подол платья, демонстрируя кровавое пятно — вряд ли это отстирается.

— Зато домой трофеей привезешь.

— Кровь мертвеца — это не то, чем должна хвастаться девушка... — покачала головой блондинка.

— Она там живая еще? — парень глянул в сторону кустов, где скрылась девушка.

— Мне интересно, откуда она здесь взялась? — задумчиво пробормотала рыжеволосая девушка.

— У нее и спросим, — пожала плечами блондинка — хоть бы она сдохла уже. Псина, иди проверь.

— Раскомандывались — буркнул зверь, медленно разворачиваясь и плетясь в сторону кустов.

— Можно и вежливее — укоризненно сообщила рыжеволосая девушка.

Парень пожал плечами. Вскоре появились силуэты двоих оборотней. Один более хрупкий и тонкий, второй широкоплечий и высокий. Девушка была не высокого роста, с темно-коричневыми

вьющимися волосами ниже плеч. На смуглой, загорелой коже ярко выделялись серые, почти белые глаза, запуганной девушки. Кожаные черные штаны были в грязи, и местами порваны, коричневая майка, по верх которой был наброшен вельветовый пиджак, была в кровавых пятнах.

— Стремно выглядишь. — беспечно заявила блондинка. — Такое ощущение, что тебя стая оголодавших собак гоняли. — наткнувшись на уже два укоризненных взгляда она пожала плечами — Зато правда.

— Неоспоримый плюс, конечно, — усмехнулась рыжеволосая девушка. — Ты как?

— Порядок, — хриплым голосом ответила брюнетка. — Только, что это было?

— Это усыпщики... — беспечно сообщил парень. — Наподобие зомби, только живет недолго и возрождается часто. В основном ночью, когда свет луны попадает на их останки, они встают из земли. Луна питается силой их чувств...мучение, боль, безысходность, страх, отчаянье... За одну ночь они возрождаются от одного, до шестидесяти раз. Опасные ребята.

— Бедняги, — печально проговорила она, заслужив удивленные взгляды.

— Они тебя чуть в царство мертвых не утащили! — заметила блондинка.

— Они мучаются каждую ночь, умирая

заново, их... — мысль прервала блондинка.

— Отлично, если подвернётся возможность, мы тебя оставим им на растерзанье, в следующий раз обязательно, — злобно подытожила блондинка.

— Прекрати, Алекса, — холодно прервал ее парень.

— Я тороплюсь, так что хватайте эту жертву обстоятельств и...

— Что ты здесь делала? — перебил Алексу парень.

— Я... — смущенно пробормотала девушка.

— По порядку. Кто ты? Что здесь делаешь? И к какой стае относишься? — требовательно спросил он.

— Так важно, кто я?

— Нам нужно решить, что с тобой делать.

— Если не заткнешься, и не ответишь — бросим тут, — заявила Алекса.

— Это Элисс, — сообщил зверь — дочь одного из стражей границ, твоей территории Кэтрин — обратился он к рыжеволосой девушке. Кэти побледнела, но лица не потеряла, так же стоя и гордо вскинув подбородок, она продолжила слушать.

— Я искала отца, он не пришел домой, и я подумала, что он должен быть здесь, он часто задерживался на ночь, но его нет второй день, и я волнуюсь. — грустно улыбнулась она. Они

перевели взгляд на Кэтрин.

— Ты еще не сообщила о том, что случилось? — уточнила светловолосая девушка.

— Я, — Кэти запнулась, — я сообщила, всем женам и старейшинам, не понимаю.

— Что случилось?! — она впиалась взглядом в Кэтрин — Что с ним?!

— Элисс, успокойся. Что тебе сказали родственники? — спросил парень.

— Дениел... — начала Кэти.

— Ничего, у меня кроме него никого не было. — прервала ее девушка четкой, как давно заученную фразой.

— Он — мертв — дрогнувшим голосом ответила Кэти.

* * *

Машина свернула влево по мокрому асфальту, двигаясь слишком быстро, и превышая скорость в десятки раз. В салоне машины это совершенно не чувствовалось, напротив, в опустившейся тишине не были даже слышны звуки движущихся колес по дороге. В полумраке едва различимо виднелись два силуэта. Устремляя взгляд на дорогу, освещенную первыми восходящими лучами солнца, Кэтрин старательно избегала взгляда Элисс. Но все же, гнетущее молчание не придавало ей уверенности.

— Молчание, это даже хорошо — сухо пробормотала Элисс. Кэти напряглась, вцепившись руками в руль, она сжимала его до тех пор, пока костяшки пальцев не побелели.

— Ты о чем? — нейтральный голос дался ей труднее, чем уничтожение усыпщиков.

— Ой да брось, ты чувствуешь себя виноватой, из-за смерти моего отца — Элисс прошла взглядом по фигуре Кэти.

— Вовсе нет, — холодно ответила девушка — не моя вина в том, что он не смог защититься.

Молчание вновь воцарилось в салоне, теперь уже нарушать его не стремился никто. Элисс молча думала о следующем вопросе, а Кэтрин проклинала всех богов, и одновременно молила, что бы она больше не задавала ей вопросов.

Мелькавшие за окном деревья, постепенно начали сменяться одноэтажными коттеджами, кусты — фонарями, а недавние сумерки — солнечными лучами, жизненно необходимыми летними рассветами.

— Кто ты?

— Не смешно — грубо ответила Кэтрин.

— А никто и не шутит. — Элисс сложила руки на коленях — Кто ты? Обо мне вы знаете все.

— И что же о тебе мы знаем? — насмешливо спросила Кэтрин.

— Вы знаете, что я оборотень, что я осталась

одна, что меня зовут Элисс, а что знаю о вас я? Что тебя зовут Кэтрин, и все. Поэтому, вопрос весьма уместен. Кто ты?

— Логичные выводы. Но я отвечу на три твоих вопроса, так что хорошенько подумай.

— Это не честно — возмутилась Элисс.

— Зато поможет избежать глупых вопросов. — пожала плечами Кэтрин.

— Ты хочешь казаться злой, — заметила девушка. — но это не так. Ты сейчас играешь.

— С чего ты взяла? — нахмурила брови Кэти.

— Ты минут двадцать сжимаешь руль с такой силой, что он сейчас трещинами пойдет. — она прислонила голову к холодному стеклу машины.

Кэтрин резко вырулила вправо, нажимая на педаль газа до упора. Понимание, что она ведет себя не правильно, жалобно билось об эмоциональную стену, которую она выставила, чтобы не терять лицо и не выдавать своих чувств.

— Почему ты молчишь?

— А ты готова задать вопрос? Учти, если он мне не понравится, я не отвечу.

— Да, я готова задать вопрос. Хочешь ты этого или нет.

— Слушаю.

— Кто вы такие?! Ваши персоны интересуют меня пока больше всего. — нетерпеливо заявила она и начала егозить в обтянутом кожей сиденье.

— А ты готова узнать правду? — иронично приподняла она бровь.

— Естественно.

— Мы — каратели. — четко произнесла Кэтрин. Элисс подскочила на месте, вонзив в нее удивлённый взгляд. — Территория, на которую напали, была распределена под полную зачистку. Вызвали нас, естественно для помощи в очищении местности. Вот только они наивно предполагали, что мы не узнаем их истинных намерений. Мы нужны были для того, чтобы остановить нападающих.

— Вы этого не сделали.

— Нет.

— Почему?!

— Нас вызвали для очищения, в договоре не было написано о том, что мы должны защищать. Обманывать карателей — опасно. Мы были готовы к тому, что нас решат использовать, но собаки слишком самоуверенны.

— Это ваша вина! Напали оборотни, та же нечисть, от которой вы избавляетесь! Вас не обманули. — ей тяжело дались эти слова, назвать собратьев нечистью, было особенно трудно.

— Напали, не оборони. Напали другие существа, — уклончиво ответила Кэтрин. — они не в ходили в задание «зачистка нечисти». Так что, хранители сами виноваты, это их самоуверенность

и наивность.

— Хранители...

— Давно обезумели, раз решили, что смогут оставить нас во лжи.

— Кто напал? Кто это были?!

— Это будет твой третий вопрос. Готова ли ты его потратить на подобную мелочь?

— Это будет второй! — возмутилась Элисс.

— Вторым был вопрос: «почему?» — бросила Кэтрин. — Готова ли ты его потратить?

— Это не честно. Нет, не готова.

— Очень зря, иногда в подобных мелочах скрываются многие ответы на вопросы. — задумчиво ответила Кэтрин — Но я тебя обрадую, ты пока поживешь у меня.

— Отличная новость, — ехидно прокомментировала Элисс — но, пожалуй, я откажусь от столь сомнительной перспективы, быть обманутой.

— Обманутой? Откуда такая уверенность, что тебя обманут? — спросила Кэтрин, выкручивая руль влево.

Машина ехала около не высоких двухэтажных домов, престижного вида. В этом районе жили те, кто мог позволить себе ездить на Феррари, каждый год отдыхать в разных столицах мира, питаться в лучших ресторанах и смотреть на других с верху вниз. Элисс совершенно не удивилась, увидев, что

они поворачивают на эту улицу. Вместо удивления она лишь испытала огорчение, от того, что вновь имеет дело с кем-то выше ее по статусу.

— Ты — каратель. — ответила она лишь одной фразой, как будто она могла заменить долгий монолог. И была права.

— Это все предрассудки, — покачала головой Кэтрин. — на самом деле ты не будешь обманута, пока сама не захочешь этого, или пока это не станет выгодно нам.

— Какая честность.

— Дело в том, что каратели не врут, мы всегда говорим правду. Если задать вопрос напрямую, мы умалчиваем, скрываем, не даем понять всю суть, ограничиваем, недоговариваем, но всегда говорим правду.

— Зачем ты сейчас мне это сказала? — недоумение отразилось на лице Элисс.

— Ты должна знать, с кем имеешь дело, должна знать некоторые тонкости в общении с нами. Было бы не честно оставлять тебя в неведении.

— Ты не даешь мне задавать вопросы, но рассказываешь о себе сама и говоришь, что держать меня в неизвестности не честно, — задумчиво ответила Элисс — но вот только...

— Если бы у тебя была возможность задавать мне вопросы, то ты бы их не обдумывала, а так,

можно избежать твоих глупых и неприятных для меня вопросов. — Кэтрин посмотрела на сидящую рядом девушку. — Тебе стоит лишь понять, что мы не поддаемся логике, мы просто не такие как все.

— Это странно.

— А что такое странность, по-твоему? То, что мы другие, это скорее особенность или эксклюзивность, а не недостаток. Стала бы ты называть творческую личность странной?

— Нет, но это другое.

— А в чем разница? Художники, музыканты, поэты, писатели — они все странные и неординарные. Они всегда другие, живущие в своем собственном мире, со своими странностями, правилами и задачами.

— Но вы другие...

— Откуда тебе знать? Ты с нами знакома час, не больше, и уже считаешь, что знаешь о нас все? Слишком торопишься детка.

— Вы жестокие, — заметила Элисс — это не только мое мнение, это мнение складывалось веками и звучит в легендах.

— С этим трудно спорить, но со временем ты и сама все узнаешь, просто подожди.

— Слишком долго ждать придется. — вздохнула Элисс.

Кэтрин усмехнулась. Запах автомобильного ароматизатора полностью заполнял собой салон

машины, создавая впечатление, что вы находитесь на летнем лугу, в окружении трав и цветов, цветущих в это время. Обтянутые кожей сиденья создавали комфорт и уют в салоне. А изредка мигающая лампа на панели управления давала мягкий свет, которого не хватало в едва пробуждающемся мире. Наступившая тишина, через которую не пробивались даже звуки дороги. Создавался эффект полного отстранения от мира. Легкий щелчок вывернутого руля, казалось, был оглушительный, и через чур громкий, вырывающий из своего мира, чужой и неожиданный.

Быстро метнувшаяся тень через дорогу, заставила Кэтрин резко нажать на педаль тормоза. Элисс, не ожидавшая такого поворота событий, ударилась головой об стекло и выругалась, потирая ушибленное место. Она перевела взгляд на Кэти. Кэтрин резко подскочила, отстегнув ремень безопасности, дрожащими руками и, с широко распахнутыми глазами, выбралась из машины. Холодный, осенний порыв ветра обжег ледяную от страха кожу лица. Она, на ходу застегивая черную куртку, проследила глазами путь недавно перебежавшей эту дорогу тени. Звук её платформы, ударяющейся об асфальт, был единственным самым громким из всех. Кэтрин, крутанувшись на месте, огляделась по сторонам. Вокруг был лес. Высокие

деревья штилями уходили в темное предрассветное небо. Негромко вибрировал мотор заведенной машины. Окружающее пространство было застелено густым туманом, сквозь который трудно было что-то заметить. Меж стволов деревьев были черные промежутки, придающие особый мрак ситуации. В воздухе витал запах хвои. Темно-синее небо, с едва появившимися лучами солнца, сталкивалось на горизонте с асфальтированной дорогой, которая свидетельствовала, что рядом стояли жилые дома. Многочисленные улицы Кэтрин специально объехала стороной, что бы быстрее попасть к собственному дому, расположенному в конце квартала. Но сейчас девушка искала лишь угрозу, во всем. В каждом дереве ей мерещились черные провалы глаз, в лесу шаги, а сквозь ветер доносился злобный смех. Жестокая насмешка судьбы. В машине, сквозь лобовое стекло, было заметно перепуганное лицо Элисс. В светлых глазах застыл ужас.

Недолго думая, Кэтрин побежала в лес за тенью. Пробегая между стволов деревьев, она яростно оглядывалась по сторонам, пытаясь заметить свою жертву, но кроме темноты в глаза ей ничего не бросалось. Она бежала быстро. Бежала так, как не бегала уже долгие годы, она бежала и ускоряла свой темп до тех пор, пока окружающий мир не сплылся в размытое пятно мелькающих

мимо деревьев, она видела лишь цель, не чувствуя ни боли, ни усталости. Казалось, она могла бежать и еще быстрее, обгоняя движения Земли, опережая секунды, играя с собственным миром в догонялки, пытаясь опередить саму себя.

Она бежала вперед, до самой границы и дальше, поворачивая, сворачивая, следуя на ее свежий запах. И вновь поворачивая, направо, затем налево, уходя в беспмятство погони. Она не помнила как бежала, не помнила где она, как здесь очутилась. Она жила чувством движения. Забыв обо всем, кроме задачи. Начиная понимать, и приходить в себя, замедляя темп лишь тогда, когда окружающий пейзаж начал сменяться. Деревья начали превращаться в небольшие засохшие кусты, сырая коричневая земля в крупный гравий, темно-синее небо стало окрашиваться в розово-оранжевый рассвет. Перед глазами возник мрачный, из старого, влажного, серого большого камня мост. Она поняла, что находится на въезде в город, из которого убежала. Кэтрин огляделась. Никого. Привычный мир. Пустота и неизвестность вновь взбудоражили ее, заставляя испытывать ярость, которая только что отступила. Кэтрин сузила карие глаза, вновь готовясь бежать. Она догонит ее.

Элисс медленно повернула голову в сторону, где скрылась Кэтрин. Ее не было уже минут

двадцать, за это время успело посветлеть и стало видно окружающую обстановку. Многочисленные высокие деревья, были главным атрибутом. Помимо этого, в глаза выразительно бросалась бесконечная дорога, уходящая в даль горизонта, в рассветное небо, скрываясь за грядущим холмом, завораживая и поглощая целиком. Элисс была не понятна недавняя выходка Кэтрин, но она не представляла, чего стоит ожидать от карателей, поэтому, махнув рукой на эту странность поведения, она устроилась в кресле, закинув ноги на панель и включив радио, она приготовилась ждать. Закрыв глаза, она никак не могла избавиться от вида глаз Кэти, казалось, она обезумела. Выразительные, темно-карие глаза, в обрамлении густых черных ресниц смотрели испуганно, но в то же время гневно. Расширенные зрачки придавали ее глазам более черный цвет. Казалось, ничего особенного, но забыть она не могла. Снова и снова видя, сквозь образовавшуюся пелену желанного сна, как наваждение, как страх, как завораживающую мечту. Вот только Кэтрин не была мечтой, и даже более того, не интересовала Элисс. Что больше всего раздражало ее. Открыв глаза, она раздраженно огляделась снова. Нежно-розовое, вперемешку с оранжевым, небо, и летящие воздушные белые облака, окруженные золотистым ореолом. Удаляющаяся полоса шоссе, казалось, шла

прямо в небеса, соблазняя мыслью о поездке в небо. Зеленовато-голубые ели шли ровной шеренгой, вдоль тянувшейся серой ленты дороги. Внезапно пролетела птица, казавшаяся слишком неугомонной и черной, на небесном спокойном фоне рассвета.

Вибрация током прошла по телу. Элисс вздрогнула, выныривая из мира мечты и радости, с едкой злостью возвращаясь в мир раздражения и вечного хаоса.

Гудок повторился, вновь требуя внимания. Девушка руками прошла по телу. Ничего. Звонил не ее телефон. Переводя взгляд на небольшое углубление в панели, служащем, как держатель для телефона. Телефон Кэтрин.

На экране светился номер входящего вызова. Элисс потянула руку к мобильному устройству, и не долго думая ответила на вызов. Правила приличия не особо ее волновали, в конце концов она здесь единственная кто может ответить на входящий звонок, Кэтрин сама убежала, забыв его, а для нее сейчас это единственное развлечение.

— Да? — спросила Элисс, откидываясь на спинку сиденья.

— Кэтрин? Это Дениел. Ты где? — голос был очень знаком, его обладатель всегда умел запомниться и остаться в мыслях, и голове.

— Не знаю, как насчет Кэтрин, а лично я тут. — фальшиво весело заявила Элисс.

— Элисс? — скорее утвердительно, чем удивленно ответил Дениел — А где это тут?

— В машине, где же еще? — буркнула Элисс — Вы мне выбора не оставили, насколько я помню.

— Только не говори мне, что ты угнала машину и вышвырнула Кэтрин посередине шоссе.

— Не скажу, — пообещала Элисс — тем более, что выгонять ее не пришлось, она сама с этим успешно справилась.

— Что ты имеешь в виду?

— А? Ничего особенного. Наверно. — неуверенно протянула Элис, специально растягивая время. — Просто вдруг, многоуважаемая Кэтрин, почувствовала тягу к легкой атлетике.

— Короче.

— Мы ехали, а она вдруг затормозила, психанула и убежала, бросив меня одну. — сухо рассказала Элисс. — Я конечно понимаю, что у каждого свои странности, но все же, раз она решила меня увезти к себе, то могла бы и не бросать посередине дороги.

— Ничего не понимаю. — пробормотал Дениел, явно имея соображения на этот счет — Алекса? Кэтрин пропала — крикнул он на задний план.

— Эй, ребят, а что насчет меня? — недовольно пробормотала Элисс — Мне вечно сидеть в этой чертовой машине? Мне вообще-то и

есть периодически надо! Я уже молчу про прочие потребности своего, еще, между прочим, растущего организма!

— Да? — ехидно протянул звонкий голос из телефона — И что же так требует твой организм, что уж прям не в терпез? Ты между прочим оборотень, а рядом лес, иди и съешь белку.

— А почему именно белку? — в тон Алексе спросила Элисс — У тебя, видимо, опыт имеется в этой области?

— Ты даже не представляешь, насколько обширный. Дело в том, что мне уже посчастливилось пойти в поход со стаей оборотней, они помимо белок еще и лося съестть пытались. Знаешь, не вышло, пришлось их и от стада оленей спастть. Поестть не поели. Зато повеселились. — задумчиво протянула девушка — так что ты в принципе можешь и на оленей поохотиться. Только на видео сними, или оставь скайп включённым. Говорят, смех способствует продолжительной жизни.

— Непременно воспользуюсь твоим ценнейшим советом. — зло пообещала Элисс.

— Воспользуйся. — милостиво разрешила Алекса.

— Элисс? — вновь спокойный голос Дениела, сменил ехидный голос Алексы. — Ты можешь назвать адрес твоего местонахождения?

— Не думаю, — она огляделась вокруг — здесь один лес и дорога.

— Кэтрин, должна была примерно сообщить где вы. — ответил Дениел, как всегда уверенный в себе.

— Она ничего не сообщила, — уверенно ответила Элисс — сказала, лишь что везет к себе, затем мы въехали в квартал, обогнули его и выехали на шоссе...

— Ясно, вокруг оглянись. Видишь на западе дома? — Элисс вскинула голову.

— Да, но далеко, почти на горизонте.

— Отлично, вы объехали большинство улиц, чтобы въехать с другой стороны, прямо к дому Кэти — сообщил Дениел. — Есть два варианта развития дальнейших событий. Первый: ты берешь вещи из машины и идешь к дому, именно идешь, потому что обращаться в городах запрещено. Я скажу тебе номер и улицу, ты возьмешь ключи из ее сумочки и попадаешь в дом, это самый долгий вариант. Второй: ты сидишь и ждешь, пока мы тебя заберем. Это час или два, так как у нас появились дела. Какой выбираешь?

— Третий. — сообщила Элисс. — Обращаюсь в лесу в волка, и бегу к себе. Слышишь? К себе домой!

— Нет, домой ты идешь либо к Кэтрин, либо ждешь нас. Пробовать убежать бесполезно, потому

что найдем, догоним и... лучше тебе не знать подробности. Ясно?

— Да — ворчливо ответила Элисс.

— Отлично, твой выбор? — его голос вновь лучился доброжелательностью, по сравнению с недавно угрожающим и обещающим множество проблем шепотом, продирающим до костей.

— Вас подожду, — задумчиво отозвалась Элисс — при встрече, пакостить удобнее.

* * *

Мир спасет вовсе не любовь, а сами люди, если конечно, захотят.

Дениел восседал во главе стола, держа в руках фарфоровую чашку с кофе, и, предаваясь воспоминаниям, наблюдал за птицами в поредевших деревьях за окном. Еще недавно, он бы взобрался к ним на самую верхушку и улегся, легко балансируя на тонких ветках. Ему бы не помешали ни птицы, ни солнце, ни ветер, слегка качающий кроны опустошенных деревьев. И там, среди бесконечного серого неба и голых веток, было светлое пятно его мраморной кожи, на фоне которого так ярко выделяются его темные, как крепкий свежесваренный кофе — глаза. Дениел был довольно хорош собой, но что касалось характера, всегда было его минусом. Нет, он не

страдал излишней вспыльчивостью, или слезливыми историями, он не жаловался на жизнь, да и сам не терпел жалоб, не пытался набиваться в друзья, точно акцентируя внимание на то, кем вы являетесь друг для друга. Он всегда был прямолинейным и излишне спокойным, не терпящим при этом возражений. В холодной задумчивости, он поставил чашку на деревянный, тяжелый, лакированный стол.

— О чем задумался? — весело прощепетала Алекса, присаживаясь за стол напротив него. Как всегда, она, была безупречна и легка, подобно белокурому ангелу, который воскрес из пепла, своих умерших врагов.

— О своем характере и недостатках — спокойно ответил тот.

— Хм, предлагаешь подумать вместе? — в глазах Алексы зажегся фанатичный блеск. — Стой, ничего не говори. Я сама все скажу.

— Мне уже страшно, — вскинул брови Дениел — что касается критики, ты всегда на первом месте. Верно?

— Ты преувеличиваешь.

— Неужели?

— Мы о твоих недостатках говорим. — бросила девушка — Ну, во-первых, ты излишне самоуверен. Вчера взял на себя через чур много зомби, бедным девушкам развлечься не дал.

— Это были не зомби, а усыпщики. — отозвался Дениел — И да, это не единственное твое развлечение — девушка наморщила лобик, и неловко дернула веснушчатый носиком.

— Второй: занудность. Тебе кто-нибудь говорил, что ты заануудаа?

— Ты вчера — насмешливо бросил он. Та же бросила на него недовольный взгляд.

— Ну и третий: ты совершенно не терпишь возражений, даже не знаю, как это назвать... эгоизм? Идеализм по собственным мыслям и идеям?

— Скорее, уверенность в своих убеждениях — гордо заявил Дениел, вновь отпивая из чашки.

— Поговорим о твоих недостатках? — поднял одну бровь он.

— Давай, их все равно будет меньше чем у тебя — заявила Алекса, удобнее устраиваясь на стуле.

— Первое: излишняя озлобленность на весь мир, второе: самовлюблённость, и третье: жестокость. — он кивнул головой в сторону окна.

— Ладно, я согласна с первым и со вторым в принципе тоже, — она согласно склонила голову. — но жестокая? Нет, не замечала.

— Ты, убиваешь без излишних слов, одним движением руки лишаешь жизни, права на существование или возможность быть. Ты делаешь

это холодно, отстраненно, но, должен признать, красиво. Ни минуты не сомневаясь в своих действиях, ты знаешь свою задачу и выполняешь ее, несмотря на горы трупов, и полные боли крики, ты не смотришь в молящие глаза жертвы, ты не слышишь их криков, ты жестокая, беспринципная и кровожадная.

— Но это наша суть, Дени — мы — каратели, а не монахи. — она замолчала, обдумывая услышанное.

— Это так, порой я жалею о такой судьбе. — он вздохнул, сглатывая горечь.

— Да, за славу, за гордость, за право и могущество носить имя карателей, мы должны были заплатить, заплатить нашей человечностью, нашей свободой выбора, исполнения целей и приоритетов, нашей простотой и искренностью.

— Взамен, мы получили многое, почти все. Но лишились всего, что было схоже между людьми и нами. — покачал головой Дениел.

— Но мы и не люди, — возмутилась Алекса — не смей сравнивать нас и этих убогих, они не достойны этого.

— А чем они хуже нас? — с болью спросил он.

— Мы могущественные, мы лучшие, мы на вершине правительства. С нами считаются, нас боятся, нас уважают. К тому же, мы не страдаем

вспыльчивостью и юношеским максимализмом. Это так, хочешь ты этого или нет.

— Но нас решили свободы. Зачем нам все, если мы сами принадлежим кому-то?

— Это не так, все намного лучше. Ты сгущаешь краски. Мы принадлежим, так же, как оборотни — главе стаи, как вампиры — главе клана, как ангелы — Богу, как демоны — дьяволу, как люди — президенту. Они имеют право отдать приказ, но не имеют право решить нас свободы.

— Мы безвольны. Когда ты это уже поймешь? От нас не зависит ничего, а мы зависим от многого. — он прикрыл глаза, глядя из-под опущенных черных, пушистых ресниц.

— Ты вновь сгущаешь краски, мы слишком всесильны, могущественны, что бы от нас ничего не зависело, — она раздраженно сдвинула брови. — мы создаем часть этого мира, причем самую безопасную. И знаешь, именно мы и Ковен стоим во главе. Мы — сила, Ковен — правительство, Люди — помеха, Нежить — расходный материал, прочие, лишь население нашего мира. И именно сила, которая есть в нас делает этот мир нашим.

— То что от нас зависит мир — это лишь иллюзия. Они хотят, чтобы мы так думали, считай, что это мгновенное поощрение, если они захотят, то мы лишимся всего, что у нас есть. Это касается наших жизней, нас самих, нашего сознания и

восприятия.

— Это если мы провалимся с заданиями. Они жестоко наказывают непокорность, но и щедро поощряют послушание. Нас мало, но мы единственные и неповторимые, с закалённым характером и стальными нервами. Из-за этого мы лучшие, особенные и более скрытные. — Алекса сжала кулаки, стреляя злыми глазами в его сторону.

— Об этом я тебе и пытаюсь сказать, они делают из нас машин-убийц, дрессируя нас как собак, решая жить нам или нет. Быть карателем интереснее, но и опаснее. Мы не люди, в этом ты права, но это не плюс. Смысл жизни не в том, чтобы быть лучшими, смысл в том, чтобы остаться самим собой, на всем протяжении жизни. Это наше главное задание, задание всех живых существ, а мы это задание провалили, благодаря им. — он вскинул голову, ожидая возражений, но Алекса лишь покачала головой.

— Ты прав и не прав одновременно. — нейтральным голосом сообщила она. — Но твоя неправота в том, что ты начинаешь сравнивать себя с людьми, при этом являясь лучше, чем оборотни, вампиры. Ты намного лучше всей нежити, лучше посланников дьявола или служителей ангела. Прекрати сравнивать себя с кем-то. — горько пробормотала она. — Бери пример с Кэтрин, она давно смерилась с этой участью, а другие каратели

получают лишь удовольствие от гордости называть себя этим именем. Почему же ты не можешь успокоиться и перестать вспоминать свою человеческую жизнь?

— Я давно поделил свое существование на человеческую сущность и жизнь в облике карателя. Я не говорю, что это плохо, я просто соскучился по таким простым и важным человеческим качествам, я давно испытываю почти физическую потребность осознавать сочувствие, сострадание и любить. Я хочу чувствовать себя живым, хочу понять, что такое жизнь, что такое импульсивность. Хочу испробовать все ее яркие краски, чувства и эмоции. Пойми, для меня важно понять каково это — ощущать себя тем, кто распоряжается собственной судьбой.

— А чем твое существование отличается сейчас, от того что ты хочешь?

— Я отбираю жизнь и право на существование, я отбираю то, что даровано богом и то что отобрано за грехи у меня.

— Но тебе дали что-то большее, тебе дали все! — уверенно сообщила Алекса.

— Но забрали еще больше.

— Прекращай себя жалеть — устало сообщила Алекса.

— Я и не жалел, я просто решил подумать о своих недостатках. — насмешливо бросил Дениел

приподняв бровь.

— И я тебе их сообщила, причем сразу несколько, — напомнила Алекса — но главный из них, то что ты заанууда. Причем редкостная.

— Кто бы сомневался, — лениво ответил он, проведя взглядом по ее лицу. — у тебя тушь потекла. — девушка дернулась доставать зеркальце в синей, тяжелой оправе. Переведя испуганный взгляд на зеркало, она уже доставала из той же сумочки тюбик с тушью.

— Ты так волнуешься за свою внешность, за непоколебимость быть идеалом красоты, борешься за шанс быть эталоном. Хочешь ли ты этого сама, или тебе дали задание играть такую роль? — он подался вперед ближе к ней — Видишь, нам не дают даже быть самими собой, нам дают задание какими надо быть на людях, а позже это въедается в наш характер. Все это лицемерие и иллюзия, отражения нас самих, но не настоящих, а мы сами сидим и наблюдаем за этим сквозь прозрачное стекло. Это не мы. Это обман и ложь. Заставляющая нас со временем забыть какие же мы на самом деле, какие мы были раньше.

— Дурацкая шутка! — зло прервала она.

— Какая ты была раньше? — спросил он. — Ты помнишь? А я помню. Ты была совершенно другая. Не гналась за идеалами, не боролась за красоту, верила в людей и ждала, когда мир спасет

любовь.

— И что это дало? — едко поинтересовалась она — Что дало? Мир спасла любовь? А может быть принц, на белом коне прискакал? Принц оказался лицемерной сволочью, а мир слишком жесток. Да, я была самой обычной. Боролась за добро и естественность. Итог. Какой итог? Что-то изменилось? Кроме меня. — усмешка скользнула на красиво очерченные губы. — Нет. Все как обычно.

— А ты?

— А я теперь уверена в себе, я знаю, что смогу защитить сама себя. Пусть, за эту победу пришлось заплатить старой мной, но я ничуть не жалею. Даже рада. Серьезно. Я красивая, сильная, уверенная. Это победа. Полная и безоговорочная.

— Именно в этом и отличие. Раньше ты бы стала бороться за этот мир, за свет, за счастье, за радость, за других, а не за саму себя. Ты потеряла самое важное — себя. Все это досталось другой девушке, которая выгнала настоящую Алексу и заняла ее место. Ты уже не та. Ты проиграла. Но хуже всего, что ты не желаешь принять свой проигрыш, пытаешься верить, что ты чемпион.

— Но это так! — почти в истерике ответила девушка.

— Они изменили тебя, подчинив себе твою свободу, волю и даже твою личность. Разум и

индивидуальность. Победа досталась не тебе, а им.

— Но ты тоже, тогда проиграл. Ты ведь не настоящий, а то, что ты осознал этот факт, тебя победителем не делает. Ты был сильной личностью. Но что тебе это дало? Ты ведь тоже здесь, рядом со мной, и ты тоже каратель. Тебе, от того, что помнишь себя прежнего, не стало легче.

— Да, не стало. Но я рад, что ты поняла мою точку зрения. Ведь быть карателем это не вознаграждение, а проклятье.

— Чертовски соблазнительное, весьма дорогостоящее, опасное, но проклятье. — мрачно кивнула она головой. — И меня это устраивает.

* * *

Элисс вышла из машины, громко хлопнув дверью.

— Ну и какого черта здесь происходит?! — темноволосая девушка тряхнула головой оглядываясь. Она металась взглядом от одного дерева к другому. Осматривая каждый ствол, она все больше злилась. Эта пустота, сквозь которую не пробирался ни один звук, была лишь тишина. До боли осточертевшая и вызывающая приступ нового, уже более сильного гнева. Хотя казалось уже больше некуда. Так куда же ведет эта игра? Она чувствовала их, тех, кто охотился за ней вот уже

год. Ужасный, вечно длящийся в неудержимых погонях. Ее побега и их безграничным превосходством. Она утробно зарычала, опуская взгляд на ствол одного из многочисленных деревьев. Он там, она чувствует. Серо — коричневая кора, казалась, пыталась скрыть все происходящие внутри леса, что бы она, стоя на дороге, не могла видеть то, что не предназначено для нее. Листва на кусте рядом, шевельнулась от его дыхания. Хрустнула ветка, сломанная под весом внушительного волка.

Элисс сгорбилась, готовясь к атаке. Утробный рык раздался за деревом.

Она вскинула голову, готовясь к сражению, расправив плечи и подняв подбородок, она гордо ожидала его первого шага. Она медленно сжала кулаки...

— Боевая собаачка — раздался насмешливый голос.

Элисс резко развернулась, ища взглядом — ее. Она оказалась сидящей на одной из веток дерева, весело махая ногами и ожидая дальнейших событий. — Чего же ты добиваешься? Он же порвет тебя на кусочки, геройствовать не нужно, достаточно сообщить, что ты под защитой карателей, и дело с концом. — Элисс пыталась рассмотреть ее лицо, но на него опускалась тень от деревьев не позволяя уловить хоть малейшую

черту, благодаря которой можно было бы понять кто она. — Может, ты не хочешь соглашаться на их защиту? Может ты хочешь быть свободной? А ведь если ты признаешь за собой их право защищать, это будет значить, что ты полностью переходишь под их влияние, а значит, они в праве либо приказать тебе, либо в чем-то отказать. Замкнутый круг. Верно?

— Нет, не верно. — грубо отозвалась она — Кто ты?

— А псинка то злится, — насмешливо бросила девушка, приподнимаясь на ветке. — а я давно хотела, тебе сообщить, хотя знаешь, может не стоит тебе рассказывать, а? Нет, ну действительно, я тебе помочь хочу, а ты рычишь на меня. Неблагодарная. — в нежном, чуть хриловатом голосе послышались нотки обиды. Она уже стояла на другой ветке, расположенной чуть выше. Оперевшись на ствол, она вскинула голову вверх, рассматривая небо, которое уже заливалось своей первозданной глубиной цвета.

— А на что ты рассчитывала? — усмехнулась девушка.

— Как минимум, на твой интерес, к моей скромной персоне, — невозмутимо ответила та. — но, видимо глупо было вмешиваться, пусть бы он порвал тебя на части. — Элисс, стараясь не делать лишних движений, прислушалась к звукам.

Сильный ритм биения сердца Элисс, порывы ветра, слегка покачивающие листья, где-то вдалеке слышится смех. Его не было, он ушел. Ничего, что могло бы излучать опасность — она не чувствовала. Разумеется, кроме ее собеседницы. Но та, казалась, действительно не понимала, настороженности Элисс в ее адрес.

— Ты думаешь, что я должна кидаться тебе на шею, только потому, что ты пришла? Да и вообще, кто ты?

— Я спасла тебе жизнь, — негромко отозвалась та — это должно что-то значить. И значит, это то, что ты — моя должница.

— А тебя вообще кто просил мне жизнь спасти? — возмутилась Элисс — Я бы и сама прекрасно справилась!

— Ты же знаешь, что нет — она вскинула руки, зацепляясь за ветку, расположенную над той, на которой она стояла. Легко потянувшись, она вскарабкалась на нее. И замерла, прислушиваясь.

— Слушай, я много чего знаю! — бросила Элисс — Но ты то, кто такая?!

— Какая ты неугомонная. — насмешливо отозвалась она. — Узнаешь со временем. Можешь меня не бояться, это уж точно. Я не кусаюсь. Сегодня же не полнолуние.

— Назови свой вид.

— Ты итак знаешь, кто я. — громко

засмеялась девушка, тихим, мелодичным голоском, который казалось, звенел над миром тысячами колокольчиков. — Где мало слов, там вес они имеют. — горько процитировала она вскинув руки и вцепляясь пальцами в очередную ветку.

— Ты убегаешь? — недоуменно уточнила Элисс. — Но, куда ты?! — она бросилась к дереву, в прыжке оборачиваясь в оборотня. Легкий, изящный ровно по дуге выполненный прыжок, потрясал своей изящностью, по сравнению с приземлившимся существом, которое казалось грубым и совершенно ничего не имеющим общего с прежней девушкой. Серая шерсть блестела на свету, она казалась одновременно мягкой и жесткой, меняя блик за бликом своих волосинках, она отражала свет, и казалось, что это сама луна спустилась на землю во время своего дневного перерыва, чтобы отдохнуть и найти себе новых жертв, для своего призрачного, ледяного сияния. Белые, почти прозрачные глаза — засияли внутренней силой, таящейся в глубине ее души, замирая, когда она была человеком и возрождаясь, когда она была оборотнем. И сейчас, ее глаза сияли, сияли ярким светом тысячи звезд, выделяли ее среди всего вокруг, погружая в мир ее существа выдуманным именно ей самой. И вдруг, вспышка! Она распахнула глаза, грозно, рассматривая смазанный вид в затянувшемся прыжке. Боль! Она

стала оборотнем. Свидетельствовала об этом невероятная боль, ломающая кости, и позволяющая терять сознание лишь на минуту, она затмила все! Гнев, безысходность, слезы, утраты, лишь на секунду. Но этого было достаточно, чтобы она вновь ощутила тягу к жизни, и захотела жить, невзирая на все происходящее вокруг. Жить! Ради себя, ради своего будущего, ради всего, что могло и уже произошло! Это была именно та боль, которая отрезвляла, и заставляла почувствовать, что душевную боль можно, и нужно переживать, а телесную порой просто невозможно терпеть, но, тем не менее, именно боль закаляет характер. Особенность оборотней — каждый раз, перевоплощаясь из человека в волка, или же обратно из волка в человека, они ломали себе абсолютно все кости, их скелет и конструкция тела менялась, что бы дать силу, выносливость, свободу, безудержность волка, или чувственность, легкость, стойкость и невероятную мощь, что заключалась в каждом человеке, его душе и характере.

Лапы коснулись, холодной, мокрой почвы и Элисс, недолго думая, вскарабкалась на дерево, цепляясь когтями за ствол, она рвала кору, царапала, кромсала в клочья, и все равно продолжала свой путь, за ней, на самую верхушку почти к облакам, казалось, дерево — это лестница в небеса, которая кончалась, как и все в этом мире

слишком быстро и неожиданно.

И вот она на самой вышине, слишком тонкой для могучих лап оборотня, и слишком неустойчивой — для тяжелого тела, опасного существа. На кроне соседнего дерева, вольготно расположилась — она.

Элисс, обдуваемая ветром, крепче вцепилась когтями в дерево. Жесткий холодный ветер, ударил по морде, заставляя глотать ледяной воздух. Она заурчала, шевеля хвостом из стороны в сторону. Она нервно цеплялась за хвою, боясь вот-вот упасть, но рождая в душе ассоциацию с диким животным и их повадками.

Здесь, на верху, среди небес и деревьев, было светло. Слишком светло, слишком ярко, слишком ослепительно, слишком громко и слишком пугающе. Возможно, тьма опаснее, но свет — несет в себе открытие тайн, которые порой намного легче прятать в потемках вездесущей ночи, чем показать под первыми лучами восходящего солнца. Элисс вскочила, балансируя на узкой и острой ели, она стояла спиной к той, которую преследовала, возможно, она ожидала удара в спину, но его не последовало, что еще больше вызывало подозрений и опасения. Миг. И немного подумав, она резко обернулась, чтобы взвизгнуть. Яростный, скулящий, жалостный, испуганный и слезливый, она не ожидала от себя такого, но именно сейчас